

Михаил Метакров

КТО ВСЮ КАШУ ЗАВАРИЛ

РАССКАЗ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

О политическом кризисе в Тюменской области
(1989-1990)

Михаил Митрофанович Метаков

Кто всю кашу заварил

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69860806

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-90545-0

Аннотация

В этой книге в развернутом виде и хронологическом порядке – впервые за тридцать три года с момента чрезвычайного происшествия в Тюменской области – раскрывается ход событий, предшествовавших бунту на обкомовском партийном корабле и завершивших конфликт заведующего идеологическим отделом обкома КПСС Михаила Метакова с первым секретарем областного комитета компартии Геннадием Богомяковым. Рассказ от первого лица подтверждается свидетельствами многочисленных очевидцев и участников событий, в том числе в виде печатных статей в официальных СМИ, публикуемых в приложениях к данной книге. Кроме того внимательно исследуется природа народных протестов против горбачевской перестройки в канун губельного распада великого Советского Союза, анализируется к каким последствиям привели страну адепты тоталитарно-коммунистической идеологии и чем чреваты ее рецидивы для современной демократической России.

Содержание

ОТ АВТОРА	5
Глава первая	11
Глава вторая	23
Глава третья	34
Глава четвертая	42
Глава пятая	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Михаил Метиков

Кто всю кашу заварил

*Оловянных солдатиков строим
По шнурочку равняемся мы.
Чуть из ряда выходят умы:
«Смерть безумцам!» – мы яростно воём...
Пьер-Жан де Беранже. Безумцы.*

ОТ АВТОРА

Тридцать три года тому назад, в конце декабря 1989 года и начале девяностого, произошли события, в корне изменившие не только судьбу автора этой книги, но и политическую жизнь всей Тюменской области. Скажу честно – до сих пор не могу до конца понять, как вчерашний обыкновенный мальчишка Миша Метаков, родившийся на беломорском Русском Севере, волею судьбы и родителей перевезенный в 1961 году из архангельской глубинки на нефтегазонасную целину Ханты-Мансийского автономного округа и выросший в родном городе-новостройке Нефтеюганск, сумел бросить вызов одному из главных организаторов и руководителей известного на весь мир Тюменского энергетического комплекса – первому секретарю обкома КПСС Геннадию Богомякову.

Возможно, всё случилось благодаря тому, что я, как утверждал незабвенный Владимир Высоцкий, «нужные книги в детстве читал», или потому что вырос в семье фронтовика, дошедшего до Берлина в победном сорок пятом и сызмальства – с молоком матери – впитал любовь к родной земле, полезному труду и справедливости, или потому что всегда вдохновлялся подвигами маминых родных и близких, сражавшихся в гражданскую с английскими интервентами в Беломорье, с финскими нацистами и германскими фашиста-

ми в годы Второй мировой и Великой Отечественной, погибавших за верность присяге будучи предательски убитыми вместе с семьей и выброшенными из самолета при перелете на новое место службы в Сибирь, или потому, что жил памятью родственников по отцовской линии, сгинувших по ложным доносам в якутских лагерях сталинского ГУЛАГа, или потому что не прогибался под сомнительными обстоятельствами и старался жить по правде, помогая людям, закаляясь в труде, на комсомольских ударных стройках, в армии и спорте, встречая на своем пути умных и мудрых наставников, особенно в годы учебы в любимом Ленинграде, или потому что всегда гордился тем, что при рождении был наречен именем младшего маминого брата Михаила, героически погибшего в боях с немецко-фашистскими захватчиками в первые же дни Великой Отечественной войны на братской белорусской земле?..

Скорее всего, так оно и было. Этот «послужной список», который наряду с положительными моментами безусловно отмечен и моими личными недостатками, просчетами и ошибками, за которые бывает стыдно и сегодня, наверное можно продолжать до бесконечности. Одним словом, всё было и вершилось как у людей – по гениальной философско-поэтической формуле Анны Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...». Именно так, через противоречивое и одновременно гармоничное «сорное» сочетание многоликих удач и неудач, падений и

взлетов растут и создаются не только стихи, но и любая человеческая личность, да и вообще всё живое в природе. Финал громкой политической истории, о которой пойдет речь далее, также убедительно подтверждает удивительный ахматовский вывод – из всех житейских перипетий во мне, видимо, в конечном счете вырос человек, не побоявшийся в критической ситуации встать на сторону справедливости и одолеть в неравной схватке далеко не последнего номенклатурного вожака-авгура в правящей партийно-советской иерархии Советского Союза. А затем окончательно и бесповоротно расстаться со своим коммунистическим прошлым, чтобы окунуться в новую жизнь.

Так получилось, что именно на том переломном этапе – весной 1990 года – мне посчастливилось побывать на первой выставке картины «Великий эксперимент» поистине народного художника Ильи Глазунова в Московском доме молодежи. Она потрясла мою душу глубочайшими смыслами изображенного и высочайшим эпическим мастерством, которые каким-то невероятным образом совпали с моими личными переживаниями и представлениями о настоящей истории нашего Отечества. Скажу больше – сегодня, с высоты прожитых лет и всего пережитого, рассматриваю тогдашнюю встречу с шедевром Ильи Сергеевича как предтечу крутых внутренних перемен, незримое благословение и твердую духовную поддержку моего бунта против Системы. Некоторое время спустя после той знаковой встречи с «Великим экспе-

риментом» я навсегда покончил с коммунистическими иллюзиями и пришел к Богу...

Как возникла идея написать эту книгу? Еще ранее, в процессе работы над романом «Народ и авгуры власти. Драйверы российской демократии» у меня возникла необходимость заглянуть в Википедию для уточнения сведений о кризисе власти в Тюменской области в 1989-1990 годах. И тут внезапно выяснилось совершенно абсурдное обстоятельство. В биографическом очерке, посвященном руководителю областной парторганизации тех лет Геннадию Павловичу Богомякову, черным по белому было написано, что инициатор отстранения его от должности «находился в тот момент на лечении в психиатрической лечебнице».

Буквально этот фрагмент википедиевской богомяковской биографии выглядел следующим образом: «...В январе 1990 года в местной прессе было опубликовано открытое письмо одного из работников обкома М.Метакова (находившегося в тот момент на лечении в психиатрической лечебнице), который обвинил первого секретаря в «недемократических методах управления» и предложил назначить на его место В.В.Китаева. В результате на ближайшем пленуме обкома Г.П.Богомяков был снят с занимаемой должности, исполняющим обязанности первого секретаря назначили В.В.Китаева...» *(В приложениях к данной книге приводится специально сканированный текст биографии Г.П.Богомякова из Ви-*

кипедии, чтобы ни у кого не возникало сомнений насчет подлинности «завирального» утверждения о якобы моем пребывании в психиатрической лечебнице. – прим. М.М.).

Придумать, что я находился в психбольнице, это, знаете ли, сногшибательный нонсенс и надо было постараться сочинить такое – сразу стало понятно, что авторы этой ре-марки явно не в ладах с правдой и совестью. Ведь элементарный запрос в областную кардиологию сразу бы подтвердил настоящий диагноз – сердечный приступ. Откровенная ложь и неправда, кем-то специально вынесенная в публичное пространство, породила тогда вполне естественное желание ответить. Именно так и родилась идея написать отдельную книгу, чтобы в подробном рассказе от первого лица донести до читателей всю правду о случившейся тогда беспрецедентной и необычной истории. Тем более, что на протяжении тридцати с лишним лет я упорно хранил молчание и не комментировал случившегося чрезвычайного происшествия. Смею надеяться, что принятое решение рассказать о тех событиях от первого лица будет вполне достойным и исчерпывающим ответом на шарлатанские инсинуации недоброжелателей, пожелавших за откровенной клеветой спрятать истинные причины моего конфликта с первым руководителем Тюменской области – главной нефтегазодобывающей и энергетической базы Советского Союза.

Помнится, когда написание упомянутой книги «Народ и авгуры власти» близилось к завершению, пришло печальное

известие об уходе из жизни 25 марта 2020 года Геннадия Павловича Богомякова. Еще и поэтому, отдавая дань памяти безусловно незаурядному человеку и партийному руководителю Тюменской области, считаю вполне оправданным решение написать и опубликовать данное, во многом мемуарное, произведение.

Структурно эта книга будет выглядеть следующим образом: преамбула начнется с момента главной встречи и непростого диалога героев конфликта, затем последуют нужные для понимания общей картины происходящего в тот период в стране и регионе аналитические комментарии, в конце же опять вернемся к политическому кризису в Тюменской области и его окончательному разрешению. Все факты абсолютно достоверны, излагаются конкретно, подробно и честно, более того, в приложениях к книге публикуются многочисленные свидетельства очевидцев и участников тех событий. Для специалистов по истории и политологии, а также для всех конспирологов и любопытствующих, которые в течение тридцати лет строили всевозможные догадки о случившемся, представляется реальная возможность заполнить существующий информационный пробел, получив эксклюзивные сведения и свидетельства, как говорится, из первых рук. Итак, начинаем...

Глава первая

НАЧАЛО КОНФЛИКТА

28 декабря 1989 года... Секретарь первой приемной обкома без всяких процедурных церемоний, видимо была предупреждена заранее, на мой вопрос на месте ли Богомяков, слегка напряженным голосом произнесла: «Геннадий Павлович ждёт вас». Я открыл тяжелую дубовую дверь главного кабинета областного комитета партии и решительно вошел внутрь.

Эта полная драматизма 20-минутная встреча стоит того, чтобы о ней рассказать подробнее. На меня со своего кресла в излюбленной позе – полуразвалившись и слегка откинув назад крупную седую голову – смотрел сильно уставший человек, нет, не просто человек, а живое олицетворение абсолютной власти, эдакий оруэлловский вождистский персонаж, загнанный силой обстоятельств в жесточайший цейтнот. В памяти мгновенно возникла картина художника Василия Ивановича Сурикова «Меншиков в Березове» – так был похож в тот момент Геннадий Павлович на знаменитого соратника Петра Первого, изображенного в минуты роковые. Но что особенно сильно поразило в тот момент я понял только потом, несколько лет спустя...

Одной из любимых присказок ГП (так в обкомовском

обиходе – по инициалам имени и отчества – называли Богомякова) было крылатое выражение из грибоедовского «Горе от ума» – «взгляд и нечто». Таким образом характеризовался любой собеседник первого секретаря, когда путался в понятиях и аргументах, одним словом, нёс околесицу. Однако в тот момент, когда происходил наш напряженный диалог, этот афоризм вдруг обрел совсем иной смысл. Взгляд моего партийного босса выражал нечто такое, что мне однажды уже пришлось испытать при собеседовании в ЦК КПСС, когда я – первый секретарь Нефтеюганского горкома партии – «сватался» на должность заведующего идеологическим отделом Тюменского обкома.

Тогда в разговоре с заместителем заведующего орготделом ЦК, аппаратно-бюрократическим зубром еще сталинской закалки, я наивно сослался на горбачевский курс демократизации и гласности. Ответом мне стал очень красноречивый взгляд, без преувеличения достойный испанского Великого Инквизитора Торквемадо, посылавшего очередного дерзкого еретика на костер. В этом испепеляющем взгляде было выражено всё – и презрение к визави, и смертная тоска о былом всевластии, и громадным усилием воли маскируемый страх перед вышедшей из-под контроля реальностью. Примерно то же самое убийственно мрачное «нечто» выражали глаза Г.П.Богомякова, когда я неожиданно нагрнул к нему в гости...

О чём думал тогда, глядя на меня, руководитель главного нефтегазодобывающего региона страны, семнадцать лет беспрерывно возглавлявший его и 165-тысячную армию коммунистов огромной Тюменской области? О том, что горбачевские реформы – демократизация, гласность, перестройка и ускорение – это очередная кремлевская блажь типа хрущевской «оттепели» под лозунгом «догоним и перегоним Америку»? Или о том, что наступившие перемены необратимы и этот неожиданный визит дерзкого горе-смельчака есть верный признак того, что обстановка в стране и в партии действительно изменилась и надо что-то делать для собственного самосохранения? В любом случае, в этом вызове, брошенном ему заведующим идеологическим отделом как первому секретарю обкома, персонально отвечающему за порядок в регионе, казалось, было скрыто нечто большее, грозящее областному партийно-государственному кораблю и его капитану губительным штормом с непредсказуемыми последствиями.

Честно говоря, в то время все мы – адмиралы, капитаны и матросы великой и непобедимой армады по имени Союз Советских Социалистических Республик под красными серпасто-молоткастыми флагами и знаменами, на которых гордо красовался дерзновенный призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», – до конца не понимали, что несёт стране и всему советскому народу спонтанный горбачевский хаос. Центробежные политические амбиции правителей за-

варили в стране такую кашу, что куда там хрестоматийному древнегреческому «ящику Пандоры» – всё общее нажитое летело в тартарары и не было видно никакого просвета в конце обещанного младореформаторами и новыми либералами тоннеля на пути к очередному светлому будущему. Гладко было на бумаге, да попали на овраги: тогда многим из нас, а после крушения осенью 1989 года Берлинской стены особенно, стало окончательно ясно, что предстоит реально – один на один с недружественным Западом и почти всем миром – «пересматривать всю точку зрения на социализм» и каким-то образом встраиваться в систему глобальных политических, рыночных и либеральных ценностей.

Способны ли были тогда государственные деятели уровня Геннадия Богомякова, а все они являлись действующими членами высших органов власти – ЦК КПСС, Верховного Совета и Правительства СССР – в какой-то момент изменить ход советской истории и без особых шоковых потрясений осуществить сценарий знаменитого «китайского маневра»? К глубокому сожалению вряд ли, потому что этим надо было заниматься до Афганистана и «хлопковых» дел, когда национально-республиканские элиты еще не успели забронзоветь, необратимо коррумпироваться и переродиться в действительных врагов советского народа.

В конечном итоге – по логике абсурда и вопреки здравому смыслу – так называемая «гора советской партократии» родила не мышь, а уродливых сиамских близнецов, один из ко-

торых – Михаил Горбачев – начал бестолковый и торопливый процесс разрушения собственного государства и мирового социалистического лагеря, а вторая сиамская половина – Борис Ельцин – воспользовался созданным хаосом и соотвечая с беловежскими поделщиками, не без помощи западных элит, довершил начатое горбачевской командой умерщвление Советского Союза – нашей общей, единственной и единой Родины. Знаменитая отечественная забава – «русская рулетка» в горбачевско-ельцинском исполнении сделала свое дело и сегодня наш измученный народ грустно шутит, что теперь, дескать, пришла очередь другой извечной отечественной морoke – «куда кривая вывезет»...

Прежде чем продолжить рассказ о той памятной встрече с Богомяковым, вернемся к википедиевскому вранью о моем «сумасшедствии» и возникшему после этого вполне обоснованному желанию полистать интернет в поисках по-настоящему объективной информации. К сожалению, ничего нового в оценке моих действий и мотивов обнаружить не удалось, зато пришлось лицезреть море дифирамбов и знаков безудержного почтения в адрес именитого визави, написанных и опубликованных в разные годы уже нового XXI века. Безусловно, о таких незаурядных людях не грех еще при жизни говорить хорошо и правду, но желающих пролить елей славословия, пожалуй, больше похожий на посмертные панегирики, оказалось на удивление так много, что невольно

вспомнилась старая народная мудрость про услужливых дураков, которые опаснее любого врага.

Среди хвалебных од, посвященных личности первого секретаря обкома, неожиданно обратил на себя внимание объемный рассказ известного тюменского журналиста Игоря Огнева «Организатор Богомяков», опубликованный в 2012 году в книге «Тюменский характер. Эпоха и личность». Пожалуй, этого автора – одного из немногих журналистов того времени, известного своей независимой позицией и острым словом – никак нельзя было заподозрить в чиновничестве и лизоблюдстве и в этом можно убедиться, почитав одну из его статей, сохранившуюся в моем архиве и представленную на суд читателей в конце книги.

Повествование Огнева о Геннадии Богомякове завершилось необычной концовкой, где звучало буквально следующее: «...Ну, хорошо, скажет вездливый читатель, а что за человек ваш герой? Выдающийся руководитель и организатор, лауреат Ленинской премии, награжден орденами Ленина, Октябрьской революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалями. Имеет ряд высоких званий, в том числе – «Почетный работник» пяти отраслей, «Почетный гражданин» Тюменской области, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов... Ответ может быть и простым, и сложным. Геннадий Павлович был человеком своего времени, и задачи, поставленные перед областной партийной организацией, были для него законом. А закон

нужно было выполнить, хоть расшибись в доску. Такой подход, прежде всего, касался сотен тысяч рабочих, служащих и инженеров, создававших нефтегазовый комплекс. Требовательным, а если надо – суровым был Богомяков и к аппарату обкома партии. Однако эти качества сочетались в нем с заботой о сотрудниках, я бы сказал – отеческой» (Огнев Игорь. Организатор Богомяков. – Книга «Тюменский характер. Эпоха и личность». Издательство «Эпоха» (Тюмень), 2012; <http://time-person.ru/b/bogomiakov.pdf>).

В этом месте вдруг нахлынули воспоминания, связанные с личными впечатлениями о моем бывшем партийном руководителе. С некоторыми из них – положительными и не очень – считаю нужным познакомить читателей...

—

Летом 1986 года, в самый разгар горбачевской перестройки, в Нефтеюганск, где я всего полгода проработал в должности первого секретаря городского комитета партии, из Москвы неожиданно прилетел специальный корреспондент центральной газеты «Правда» – не просто газеты, а особого печатного органа ЦК КПСС. Причиной стало письменное обращение в ЦК одного местного «правдоруба» Михаила Извекова, критиковавшего стиль и методы руководства управляющего строительным трестом «Нефтеюганскгазстрой» Валентина Михалевского и якобы покрывавшего его горкома партии. Письмо попало на стол Егору Кузьмичу Лигачеву – секретарю Центрального Комитета и члену По-

литбюро, в недавнем прошлом первом секретарю соседнего Томского обкома, у которого с нашим «первым» Богомяковым всегда были непростые отношения. Одним словом, извечовская жалобка стала поводом лишней раз на виду у всей страны показать тюменцам «кузькину мать», а заодно приструнить как следует молодого первого секретаря, зажимавшего критику в ущерб политике гласности.

После публикации в «Правде» разгромной статьи, в сентябре того же года состоялось заседание бюро обкома партии, где Михалевского показательно исключили из партии с последующим отстранением от руководства трестом, а мне объявили предупреждение, приняв во внимание неопытность молодого «партийного бойца». Вообще-то, по всем тогдашним внутривнутрипартийным и политическим законам должна была слететь с плеч и моя голова, но Геннадий Павлович проявил похвальную «отеческую заботу», одновременно продемонстрировав своему старшему партийному собрату Егору Кузьмичу кто в тюменском доме настоящий хозяин. К тому же он наверняка помнил, как год назад наша отчаянная парочка – еще в бытность мою председателем Нефтеюганского райисполкома – совершила дерзкую несанкционированную поездку в Миннефтегазстрой и невзирая на то, что нарушила все правила субординации, все-таки помогла решить крайне важный для области и Ханты-Мансийского автономного округа вопрос создания еще одного нового строительного треста и стройуправления в Нефтеюганском

районе.

Не скрою, за это решение, не позволившее в самом начале оборваться моей служебной карьерой, я по человечески благодарен Г.П.Богомякову. Более того, спустя несколько месяцев, несмотря на реакцию Лигачева и статью в «Правде», меня по рекомендации секретаря обкома по идеологии Геннадия Дмитриевича Лутошкина, умнейшего человека, выдвинули и назначили заведующим отделом пропаганды и агитации (впоследствии – идеологическим отделом) обкома КПСС. При назначении на вопрос о недавней «порке» на бюро обкома Геннадий Павлович в присутствии ему иронично-приказном стиле лаконично заметил: «Работай. За одного битого двух небитых дают». Поэтому когда Игорь Огнев говорит о заботливом отношении Богомякова к сотрудникам аппарата обкома, то в определенном – скорее, репутационном смысле, – он прав конечно, но и только. Люди и личности таких масштабов по определению не нуждаются в комплиментарной вычурности и звонких эпитетах.

Теперь о «требовательном и суровом» Богомякове. Несмотря на хрущевские и брежневские внутривластные реформы, больше похожие на косметические профанации, партия и партаппарат по-прежнему доминировали в государственных делах и судьбах советских людей. И даже горбачевские реформы не смогли серьезно пошатнуть традиционные устои, на которых базировалась система управления госу-

дарством и его административно-территориальными образованиями – республиками, краями, областями и автономиями. Такие политические тяжеловесы как Г.П.Богомяков были не только ментально-генетическим порождением сталинской и послесталинской эпохи, но прежде всего активными штыками партии при проведении ее политики в жизнь. Пожалуй, лучше многих характер таких людей раскрыл Александр Кушнер – ленинградский поэт прошлого века, последователь и поклонник творчества Осипа Мандельштама:

Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
Большей пошлости на свете
Нет, чем клянчить и пенять.
Будто можно те на эти,
Как на рынке, поменять.
Что ни век, то век железный.
Но дымится сад чудесный,
Блещет тучка; я в пять лет
Должен был от скарлатины
Умереть, живи в невинный
Век, в котором горя нет.
Ты себя в счастливцы прочишь,
А при Грозном жить не хочешь?
Не мечтаешь о чуме
Флорентийской и проказе?
Хочешь ехать в первом классе,

А не в трюме, в полутьме?
Что ни век, то век железный.
Но дымится сад чудесный,
Блещет тучка; обниму
Век мой, рок мой на прощанье.
Время – это испытанье.
Не завидуи никому.
Крепко тесное объятье.
Время – кожа, а не платье.
Глубока его печать.
Словно с пальцев отпечатки,
С нас – его черты и складки,
Приглядевшись, можно взять...

Если попытаться сформулировать квинтэссенцию этого маленького поэтического шедевра, то в итоге получится базовая матрица, в координатах и параметрах которой формировались и действовали такие личности как наш герой. Выглядит она примерно так: «Времена не выбирают, в них живут и умирают... Что ни век, то век железный... Время – это испытанье... Время – кожа, а не платье, глубока его печать... Словно с пальцев отпечатки, с нас – его черты и складки, приглядевшись, можно взять...». Именно в таком контексте фигура Богомякова предстает более понятной и адекватной тому времени, которому он и такие как он всецело отдавали себя.

Поэтому приносить извинения Г.П.Богомякову за якобы

«причиненные неудобства», как это сделал журналист Огнев в упомянутом выше очерке, не имело смысла, да подобные извинительные экивоки и не нужны вовсе экс-лидеру Тюменской области, тем более что в своем партийном и служебном усердии он многим руководящим кадрам в регионе иногда «загибал салазки» как следует...

Глава вторая

ВРЕМЯ БОЛЬШОЙ НЕФТИ И БОЛЬШИХ ЛЮДЕЙ

В действительности же описанный выше случай, в связи с которым были принесены журналистские извинения Богомякову, имел прямое отношение к на шумевшей в свое время истории с так называемыми тюменскими нефтяными «предельщиками». Вот как дословно это звучало у Игоря Огнева:

«...Думаю, здесь уместно рассказать один очень говорящий эпизод из своих отношений с Геннадием Павловичем. В 1989 году я напечатал в «Известиях» резкую критическую статью «Сильная личность?». Главным героем был первый секретарь Тюменского обкома Богомяков. Надо ли уточнять, что герой этот, по большей части, был выведен отрицательным? Центральный упрек статьи заключался в том, что обком партии не предотвратил слишком интенсивную, мягко говоря, добычу нефти из Самотлорского месторождения, которое тогда давало львиную долю добычи в Западной Сибири.

Мне рассказывали, что первая реакция на статью была очень резкой: Геннадий Павлович вообще человек эмоциональный. Но когда спустя год после публикации мы встретились, я с удивлением обнаружил, что той статьи как бы

и не было. Более того, за все последующие двадцать лет Геннадий Павлович ни разу о ней не заикнулся. Это для меня еще одна загадка.

Но вот несколько лет назад мне показали архивные материалы. Среди них было несколько докладных записок Тюменского обкома в Политбюро ЦК КПСС. Под ними стояла подпись Богомякова. А суть записок заключалась в том, что Тюменский обком убедительно, с цифрами и аргументами, опротестовывал непомерно высокие темпы отбора нефти из Самотлора.

Конечно, не убедив Политбюро, Богомяков мог бы уйти в отставку. Однако и в сегодняшней России это не принято, а в советские времена такой поступок первого секретаря обкома, да еще в такой области, как Тюменская, сочли бы чуть ли не предательством. Прочитав эти архивные материалы спустя двадцать лет, я извинился за свою статью перед Богомяковым. Геннадий Павлович, махнув рукой, ответил: «Проехали...» (Огнев Игорь. Организатор Богомяков. – Книга «Тюменский характер. Эпоха и личность». Издательство «Эпоха» (Тюмень), 2012; <http://time-person.ru/b/bogomiakov.pdf>).

Еще раз отметим – извинения журналиста Огнева пришлось не по адресу, потому что, говоря о богомяковской «суровости и ответственности», стоило бы основательнее углубиться в обозначенную тему и увидеть по-настоящему

оскорбленных и униженных геологов-нефтяников, которых в обкомовских кабинетах и с высоких партийных трибун тогда презрительно обзывали «предельщиками» и перед которыми действительно стоило бы извиниться. Что это была за история и как в ней проявился характер преданного солдата партии Геннадия Богомякова?

Автору этой книги «повезло» – он застал развитие событий в самом разгаре во время своей первой мобилизации в обком партии инструктором в начале восьмидесятых годов. В информации недостатка не было: тема активно обсуждалась в стенах обкома, к тому же в областном центре и Главтюменнефтегазе к тому времени жило и работало много земляков-нефтеюганцев, в том числе выходцев из легендарной салмановской Усть-Балыкской нефтеразведочной экспедиции и НГДУ Юганскнефть, с которыми меня связывала крепкая дружба еще со времен открытия усть-балыкских месторождений и зарождения будущего города Нефтеюганска. Кстати, в последние годы опубликовано так много исследований и свидетельств очевидцев, что становится окончательно ясным, откуда ноги росли у той проблемы и как ее «косолапо» решало центральное и областное руководство.

К середине 70-х стало окончательно ясно, что время нефтяных фонтанов и легкой нефти в Тюменской области и Западной Сибири заканчивается. Все большее число месторождений вступало в стадию снижающейся добычи и в этой связи надо было незамедлительно начинать масштабную мо-

дернизацию всех технологий, направленных на повышение нефтеотдачи разрабатываемых и вновь вводимых пластов. Однако угроза снижения уже ставших привычными потоков нефтедолларов казалась правящей элите страны смерти подобной. Экстенсивная модель советской экономики в русле деградирующей политики компартии все больше загоняла в тупик безысходности промышленность, государство и население страны. Тем не менее, Политбюро и Госплан с опорой на послушные региональные партийные штабы держали взятый курс на рост нефтедобычи, да так, что у производителей, по их образному выражению, кровь выступала из-под ногтей.

Первооткрыватели и организаторы нефтедобывающего комплекса Тюменской области, многие из которых заслужили Ленинские и Государственных премии и другие высокие награды, работая до седьмого пота «на земле», а не в партийно-номенклатурных кабинетах, вдруг становились чуть ли не саботажниками, отстаивая рациональную и грамотную эксплуатацию нефтяных месторождений, особенно таких уникальных как югорский Самотлор. Яростные разносы, устраиваемые нефтяникам, недвусмысленно резонировали и в газодобывающем секторе на ямальском Севере. Московские и местные партийные чиновники-максималисты были уверены, что в обозримом будущем Тюменская область будет способна добывать миллиард тонн нефти в год. Это породило запредельные требования безудержно наращивать

объемы нефтедобычи, а их невыполнение жестко и незаслуженно каралось...

В июне 1977 года умер Виктор Иванович Муравленко, главный организатор нефтяной и газовой промышленности тюменского региона. Умер в Москве во время сессии Верховного Совета СССР – сердце просто не выдержало навязанной сверху сумасшедшей гонки за большую нефть. Главтюменнефтегаз возглавил Феликс Григорьевич Аржанов – главный инженер и первый заместитель Муравленко, тоже лауреат Ленинской премии, получивший её в 1976 году вместе с министром нефтяной промышленности СССР В.Д.Шашиним и руководителем планово-экономического управления министерства В.И.Грайфером (впоследствии последним начальником Главтюменнефтегаза) за перевооружение нефтедобывающего производства на основе новых научно-технических решений и комплексной автоматизации. Но не проработав и трех лет, Аржанов был отстранен от должности по инициативе обкома. На смену ему пришел Герой Социалистического Труда Ришад Тимиргалиевич Булгаков, работавший генеральным директором объединения Татнефть.

В 1980 году годовая добыча с трудом превысила 310 миллионов тонн, тюменская нефтянка явно начала выдыхаться. Главтюменнефтегаз проваливал государственные планы, все нефтяники от министра до начальников главка и НГДУ по-

пали под жесткий партийный пресс. Организованное и распиаренное на всю страну социалистическое соревнование за добычу одного миллиона тонн нефти и одного миллиарда кубометров газа в сутки тоже терпело фиаско. В 1983 году начальником Главтюменнефтегаза назначается генеральный директор объединения Юганскнефтегаз Роман Иванович Кузоваткин. Одновременно ему придаются полномочия заместителя министра нефтяной промышленности СССР. И снова провал – по итогам одиннадцатой пятилетки недобор нефти в целом по Западной Сибири, включая Тюменскую область, достиг 31 миллиона тонн...

—

За неполные восемь лет после В.И.Муравленко в Главтюменнефтегазе при непосредственном участии обкома партии и его первого секретаря сменились три руководителя. Не считая других профессионалов – таких, например, как лауреат Ленинской премии и заместитель руководителя Главтюменнефтегаза по геологии Юрий Борисович Фаин – которые лишались своих постов только за то, что были против очередного повышения добычи нефти без учета реальных геолого-технических возможностей месторождений.

Спрашивается – они что, все были плохими профессионалами и так называемыми «предельщиками», которые гнули свою линию и не желали выполнять партийные директивы? Или эти грамотнейшие специалисты и инженеры поплатились за то, что всего лишь отстаивали принципы оп-

тимальной, а не запредельной эксплуатации месторождений и уже одним этим не пришлось ко двору высокому начальству? В любом случае здравый смысл и выверенный инженерный расчет были на стороне нефтяников, но когда в то время жаловали таких «ослушников», не выполнявших прямые указания обкома и ЦК КПСС?..

Учитывая громадный партийно-политический опыт Г.П.Богомякова и в полной мере присущую ему византийскую расчетливость, легко можно предположить, что он наверняка докладывал наверх о губительных рисках сверхнормативного отбора нефти на Самотлоре и других месторождениях, о чем поведал журналист Игорь Огнев. Однако сдается, что это был всего лишь продуманный маневр в стиле известной аппаратной хитрости, когда знаешь, где можно упасть и успеваешь вовремя в том месте соломку подстелить. Такой «ход конем» давал возможность по-прежнему усердно выполнять директивные указания ЦК и одновременно гнобить строптивых нефтяников, делая при этом вид, что тоже был солидарен с их аргументами против форсированной добычи черного золота любой ценой. Старая как мир «дуплетная комбинация» – и нашим, и вашим – с целью сохранить свое лицо и статус-кво в настоящем и будущем. Недаром все-таки говорится, что перспектива быть повешенным делает любого человека изобретательным.

К сожалению, такой безжалостный «государственный подход» был присущ всей административно-командной си-

стеме того времени и в этой парадигме искаженных ценностей, где тотально доминировала КПСС – «ум, честь и совесть нашей эпохи», существовали все мы – и высший состав, и партийно-советские кадры на местах, и хозяйственные руководители, и в целом весь советский народ. Поэтому часто безапелляционный и, чего греха таить, абсурдный приказ сверху «Даёшь!» был единственным и железобетонным аргументом в споре здравого смысла и политических амбиций. Тот, кто перестраивался или вынужденно подстраивался, как правило, оказывался затем в номенклатурной обойме со всеми вытекающими карьерными и житейскими предпочтениями, а принципиальных и независимых профессионалов не жаловали – их всегда обдували опасные ветра из высоких кабинетов. Чтобы не быть голословным, приведу один конкретный пример, как субъективная воля представителя государственной власти в один миг решила судьбу крупного хозяйственника-еретика из нефтянки...

—

Речь пойдет о Владимире Юрьевиче Филановском, уроженце Свердловской области, настоящем нефтяном зубре и профессионале, приглашенном в 1965 году В.И.Муравленко из Татарстана на должность главного инженера Главтюменнефтегаза. С этого момента все новое в технике и технологии нефтяного производства в Западной Сибири так или иначе было связано с его именем. В 1970 году одновременно с Г.П.Богомяковым он стал лауреатом Ленинской премии:

Филановский – за разработку и внедрение комплексных технико-технологических решений, обеспечивших добычу нефти в Тюменской области; Богомяков (как в прошлом заместитель директора ЗапСибНИГНИ – Западно-Сибирского научно-исследовательского геологоразведочного нефтяного института) – за открытие месторождений природного газа в северных районах Западной Сибири.

В книге инженера-геолога, писателя и публициста Владимира Шумилова «История географо-геологического освоения Сибири и Севера России», изданной в 2005 году, приводится эпизод, когда не сработавшись с обкомом партии и покинув в 1969 году Тюмень, Филановский уже будучи начальником отдела нефтяной и газовой промышленности Госплана на одном из заседаний президиума Совета Министров СССР вступил в острую полемику с первым заместителем председателя Совмина Гейдаром Алиевым. Как впоследствии рассказывал бывший замминистра нефтяной промышленности Шаген Донгарян, это происходило так:

«...Шел 1984 год. На президиуме Совета Министров СССР рассматривался план нашего министерства на 1985 год. Председатель Совета Министров Тихонов, вероятно, был в отъезде и заседание вел Гейдар Алиев. Обсуждались совершенно нереальные объемы добычи на следующий год, которые предлагались правительством. Мы, нефтяники, понимали, что они невыполнимы. И тогда Филановский, забыв о всякой дипломатии, резко, очень эмоционально стал

говорить, что план завышен по крайней мере на десять миллионов тонн. Вдруг Алиев тихим властным голосом говорит: „Это что за человек говорит? Он же из Госплана! Видимо, он еще не дорос до государственных масштабов“...» (Шумилов В.А. История географо-геологического освоения Сибири и Севера России. – М.: Издательский дом «Языки Славянской Культуры», 2005).

Вскоре после этого по согласованию с ЦК партии последовало назначение Филановского на должность первого заместителя министра нефтяной промышленности – выполнять нереальные планы.

Произнесенная «тихим властным голосом» убийственно-шаблонная фраза, адресованная Филановскому была сродни другому, еще больше значимому выражению – «вы что, товарищ, с политикой партии не согласны?». Именно в таком духе и в таком тоне авторитарная вертикаль власти ломала психику и волю любого строптивного руководителя, несмотря на все его регалии и заслуги. А вдобавок ко всему «грузила» его по полной таким вот иезуитским способом как это было сделано с Филановским, получившим вдогонку к уничижительному нагоняю персональную ответственность за решение почти невыполнимой задачи.

И подобная воспитательная практика сталинского типа по принципу «не хочешь – заставим» процветала в нашем социалистическом государстве на всех этажах власти, включая Тюменский обком партии. К счастью, уже без крайних

расстрельных мер социальной защиты и гулаговских репрессий, хотя с диссидентами и нарушителями партийной дисциплины особо не церемонились...

Глава третья ПЕРЕСТРОЙКА, УСКОРЕНИЕ, ГЛАСНОСТЬ

Перестройка, ускорение и гласность «сдетонировали» в Советском Союзе так, что без преувеличения потрясли весь мир и в первую очередь, конечно, все страны социалистического лагеря. Гипотетически заточенные на глубокую переделку всех основ прежней жизни, они – вопреки оптимистическим прогнозам авторов – породили невообразимые сумятицу и хаос в головах людей, били по самым больным местам государственной системы управления, вгоняли в ступор руководящие кадры в центре и на местах. Еще вчера занимавшие ключевые посты в органах управления страной и регионами, руководители разных рангов в одночасье оказались в положении «хуже губернаторского», не зная к какому берегу прибиться и какую тактику избрать, чтобы выжить и пережить нахлынувшие перемены.

В начале второй половины 80-х невиданные ранее реформы буквально захлестнули страну – по всему было видно, что генсек Горбачев и его окружение стремились во что бы то ни стало объять необъятное и организовать наступление одновременно по всем фронтам и направлениям перестройки. Но, как говорится, за что боролись, на то и напоролись. Же-

вание как можно скорее вырваться из плена старых политических и идеологически догм натолкнулось на неготовность народа и управленческой элиты к адекватному восприятию и решению новых задач. Буксовала экономика, предпринимательство вырождалось в криминальную анархию, свобода оборачивалась беспределом, гласность беспощадно вскрывала грехопадения партийной «аристократии», чекистской, милицейской и судебно-правовой машины, на небывалую высоту поднялась и обрела реальную силу либерально-правозащитная деятельность, резко политизировались многочисленные неформальные объединения, в крупных городах и промышленных центрах пробуждалась стихия гражданских протестов...

Тюменскую область тоже начинало лихорадить. Партийная и хозяйственная элита одного из стратегически важных регионов страны далеко не вся восприняла горбачевские реформы с распростертыми объятиями. Сам термин «ускорение» на фоне неважного положения дел в нефтедобыче и социально-экономическом развитии области воспринимался в руководящей среде, скорее, скептически и с изрядным недоверием. Поэтому, когда в начале сентября 1985 года избранный весной генеральным секретарем ЦК КПСС М.С.Горбачев собрался с визитом в Тюменскую область, то все замерли в тревожном ожидании – понимали, что решалась судьба не только главного топливно-энергетического комплекса страны, но и лидера областной парторганиза-

ции Г.П.Богомякова. Автор этой книги, работая в тот период председателем Нефтеюганского райисполкома Ханты-Мансийского автономного округа, тоже стал участником встречи областного партийного, советского и хозяйственного актива с новым генсеком ЦК и лично прочувствовал на себе всю тяжесть царившей там атмосферы.

Чтобы помочь читателям глубже разобраться в ситуации, предоставим слово самому Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Это необходимо сделать еще и потому, чтобы понять главную подоплеку состоявшейся через пять лет, в январе 1990 года, отставки Г.П.Богомякова с поста первого секретаря Тюменского обкома КПСС. В своей книге «Жизнь и реформы» в эпизоде под названием «По городам и весям» Горбачев так описывает сложившуюся тогда общую ситуацию в стране и свою поездку в нашу область:

«...Перестройка началась сверху. Иначе и быть не могло в условиях тоталитаризма. Но опыт прошлых лет показывал – если реформаторские импульсы не будут подхвачены массами, они обречены. Надо было как можно скорее вытаскивать общество из летаргии и равнодушия, включать в процесс перемен. В этом я видел гарантию успеха задуманной перестройки, об этом говорил на апрельском Пленуме, такую цель преследовали и мои поездки по стране... Не теряя времени я стал готовиться к поездке в Восточную (в действительности в Западную! – прим. М.М.) Сибирь.

Хотелось на месте разобраться в причинах неблагоприятного положения с добычей нефти и газа, посмотреть, как живут люди, – уж очень много недовольства высказывалось ими в письмах в ЦК КПСС. 4 сентября мы с Долгих, Ельциным, Байбаковым, министром газовой промышленности Черномырдиным прибыли в Тюменскую область. Знакомство началось с Нижневартовска – столицы нефтяного края. Потом добрались до расположенного у Полярного круга Уренгоя, где разворачивалась масштабная работа по добыче и транспортировке газа. Побывали в Сургуте на строительстве электростанции и микрорайонов города.

Разговор с нефтяниками и газовиками получился на редкость острым. Проблемы, с которыми им приходилось сталкиваться ежедневно, выходили за рамки местных интересов. Нарращивание экономической мощи государства упиралось в освоение этого сурового, труднодоступного, необходимого края. Изначально были допущены большие просчеты, негативные последствия которых уже начали сказываться на всем. Вроде бы прописная истина: если есть намерение развернуть крупное производство в незаселенных или малонаселенных местах, надо позаботиться об опережающем создании инфраструктуры: дорогах, жилье, свете, тепле. А школы, больницы, библиотеки, стадионы – словом, все, что нужно для нормального человеческого жития!

...Я столкнулся просто с абсурдными вещами. Оказывается, машиностроители поставляли на Север машины и нефте-

оборудование чуть ли не россыпью, вместо того чтобы, применяя индустриальную сборку, доставлять их в виде крупных узлов. В результате приходилось создавать целые сборочные цехи, что требовало дополнительной рабочей силы, а значит, дополнительного жилья и всего прочего.

Мне импонировало, что люди, приехавшие в Сибирь, чувствовали себя не временщиками, а хозяевами, возмущались организацией работ, в результате которой безжалостно губятся лес, реки, почва. С самого начала была сделана ставка на фонтанирующую нефть, о рациональном использовании природных ресурсов не заботились. Тысячи факелов денно и ночью пылали по всей тюменской земле. Глубина переработки нефти составляла здесь 58 процентов, а в мире она приближалась к 80 процентам. Из одного кубометра древесины здесь производилось продукции в два раза меньше, чем по Союзу, по сравнению же с развитыми странами Запада – в несколько раз. Планы ресурсосбережения составлялись регулярно, но из года в год не выполнялись. Самая богатая природными запасами страна все острее стала ощущать недостаток топлива, энергии и даже леса.

...По возвращении из поездки без промедления приняли решения, к их реализации была подключена практически вся промышленность... Тогда удалось остановить падение и даже несколько увеличить добычу нефти. Увы, вскоре политические страсти захлестнули страну и внимание к этой коренной проблеме ослабло. Нефтяники и газовики правы,

говоря, что начатое не было доведено до конца...» (Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Книга I. Глава 9, стр. 284-286. – М.: Издательство «Новости», 1995).

Такая вот не очень благостная картина предстала взору первого лица государства при посещении тогда еще территориально единой Тюменской области. К этому остается добавить, что в следующем 1986 году из-за всеобщего перепроизводства нефти и спада ее потребления произошло резкое падение цен на мировом рынке – до 10 долларов за баррель и ниже. Приток нефтедолларов в экономику, казну и социальную сферу существенно сократился и это серьезно ударило по престижу и авторитету партийных руководителей страны и области...

—

И еще один характерный штрих к перестройке и обстановке в стране, имеющий прямое отношение к Г.П.Богомякову и теме нашего разговора. Вот какими впечатлениями о горбачевском визите в Тюменскую область поделился Болдин Валерий Иванович, в прошлом помощник генерального секретаря ЦК КПСС и руководитель аппарата Президента СССР, более десяти лет, до августа 1991 года, проработавший с Горбачевым. В своей книге «Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С.Горбачева» Болдин приводит ряд интересных наблюдений:

«...В начале осени 1985 года Горбачев совершает поездку в Тюмень и Казахстан. Необходимость этого вызывалась тем,

что добыча нефти у нас стала падать, а это серьезно сказывалось на валютных поступлениях... Это была одна из примечательных поездок Горбачева, которая благодаря телевидению произвела большое впечатление на страну.

– Опирайтесь надо на людей, – подтверждал он, довольный результатами поездки, встречей с трудящимися, высказанную уже как-то мне мысль. – Народ поможет пробить нам любые вопросы.

В первые годы правления Михаил Сергеевич «верил народу», считал его своей опорой. Это потом ему стало казаться, что люди глухи к его новациям, они отстали в своем развитии, не понимают предлагаемых преобразований, и он все меньше им доверял.

...Тогда в Тюмени были намечены для решения многие проблемы нефтегазодобычи. На совещании отчитывались поставщики техники, труб, различных материалов. Решались и вопросы социального порядка: намечалось ускорить строительство жилья, поставить больше товаров народного потребления, особенно теплых вещей. Но с чем Горбачев решительно не согласился, так это с необходимостью расширить кооперативное строительство на «Большой земле», в центре страны, на юге, о чем его просили северяне.

– Жить надо здесь, – уверенно говорил он окружавшей его огромной толпе. – Здесь воспитывать детей и оставаться после выхода на пенсию.

Это были, конечно же, не очень-то продуманные слова,

люди не просто молча воспринимали их, но и активно, иногда со злостью доказывали, что Заполярье – это не Ставрополье и даже не Пермская область... Но генсек уже «закусил удила». Он с таким жаром и убедительностью доказывал, что следует осваивать север и жить тут постоянно, ибо здесь хорошие условия, благоустроенные дома, что я подумал, а вернемся ли мы сами в Москву? Не тут ли осядем, учитывая очень хорошие условия жизни?..» (Болдин В.И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С.Горбачева. – М.: Издательство «Республика», 1995, стр. 96-98).

Глава четвертая

ЭХО ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ

26 апреля 1986 года в результате взрыва реактора четвертого энергоблока Чернобыльской атомной электростанции произошла крупнейшая техногенная катастрофа, ставшая глобальной трагедией для СССР и грозным сигналом всей человеческой цивилизации. Мир содрогнулся, мгновенно вспомнив, к каким жутким последствиям в 1945 году привела варварская американская бомбардировка атомными бомбами японских Хиросимы и Нагасаки. После чернобыльской аварии, обострившиеся до предела инстинкты самосохранения заставили все правящие элиты и простых жителей планеты вновь пересмотреть отношение к экологии и охране окружающей среды. Отныне эти проблемы стали важнейшими приоритетами в политической и обыденной жизни...

Чернобыльские события весьма своеобразно, а по сути вполне логично и закономерно, отозвались в Тюменской области. В погоне за большой нефтью и газовым изобилием очень ранимой северной природе наносился непоправимый урон. Черный коптящий дым от постоянно горящих факелов попутного газа, бездумное уничтожение флоры и фауны при прокладке нефтегазопроводов и возведении про-

мышленно-гражданских объектов – все это было по сути не только экологическим, но и гуманитарным преступлением. Об этом знали все, однако железная воля государства и политическая целесообразность до поры до времени выносили эти болезненные вопросы за скобки главной повестки дня, где добыча нефти и газа любой ценой убивала на корню такие, казалось, второстепенные вопросы.

Автору этой книги было четырнадцать лет, когда в большое июньское половодье 1963 года все шламовые отходы от первых пробуренных геологами скважин в окрестностях старинной хантыйской деревни Усть-Балык, сброшенные зимой на рельеф вблизи буровых, оказались в реке Юганская Обь. Это была реальная экологическая катастрофа: на речных берегах сплошной белесой полосой лежала отравленная и гниющая рыба, здесь же рядом в мазутной жиже целыми семействами погибали халеи (большие чайки) и другие пернатые, травились рыбой и умирали бесчисленные таежные хищники. Местный Чеускинский колхоз имени Ленина не выполнил планы по вылову рыбы, плашкоуты – промысловые суденышки сошли на берегу, все рыбаки переключились на дальние озера и протоки, где можно еще было добыть нормальную рыбу для пропитания. Были случаи, когда неосторожные и несведущие люди, в основном приезжие первоосвоенцы, получали тяжелые пищевые отравления после употребления в еду пропитанной нефтью рыбы.

Такое рукотворное бедствие накрыло тогда все прибреж-

ные территории Среднего Приобья, где шло активное разведочное бурение, а буровые отходы и первая нефть просто сливались тут же на окружающую местность. Только после этого чрезвычайного происшествия на буровых установках стали сооружаться специальные шламовые амбары для сбора отработанных технологических растворов и нефтевыбросов. Память о тех событиях до сих сохраняется на стволах прибрежного тальника – черная мазутная линия, теперь уже на выросших деревьях, протянулась не только по берегам Юганской Оби, но и большой Оби, напоминая о той, пожалуй, первой экологической катастрофы на нефтяных Северах Тюменской области...

После Чернобыля экологическая безопасность и внимание к охране природы оказались в эпицентре всех политических и директивных решений ЦК КПСС в сфере промышленности и сельского хозяйства. Одновременно спонтанная, но мощная волна «зеленых» затопила всю страну. Доморощенные экологи активно вписались в перестройку и гласность, в пику закосневшей партийной пропаганде начали реально влиять на общественное мнение и массовое сознание. При поддержке интеллектуальной и творческой элиты они сумели спустя год после визита М.С.Горбачева в Тюменскую область «сломать хребет» одному из самых одиозных и авантюрных проектов общесоюзного масштаба – повороту сибирских рек Оби, Иртыша и др. в южные районы страны

и среднеазиатские республики СССР.

В этой истории с негативной стороны неожиданно «засветился» и первый секретарь обкома Г.П.Богомяков. Как он, профессиональный гидрогеолог и один из тех, кто не дал в начале 60-х осуществиться еще одной гиблой затее – сооружению Нижне-Обской ГРЭС в низовьях Оби, оказался в числе высокопоставленных лоббистов безумно дорогого и абсурдного проекта по переброске водных ресурсов на юг – до сих пор для многих остается загадкой. Единственным оправданием может служить лишь то обстоятельство, что много воды утекло с тех пор, когда одаренный паренек из далекой сибирской провинции, а затем подающий надежды молодой ученый Геннадий Богомяков был гораздо ближе к реальной жизни, людям и природе. Теперь уже другими путями-дорогами ходил основательно забронзовевший в своей партийно-государственной опытности, самоуверенности и непогрешимости товарищ первый секретарь обкома Богомяков...

Решение Политбюро ЦК КПСС от 16 августа 1986 года прекратило проектные работы по переброске части стока северных и сибирских рек в южные районы страны. Оно однозначно было принято в числе неотложных мер после апрельской аварии на Чернобыльской АЭС. Более того, рождение этого документа проходило в ожесточенной борьбе так называемой «хлопковой мафии» с защитниками природы, которых объединили и возглавили ученый-геолог с мировым

именем, академик АН СССР Александр Леонидович Яншин и известный писатель, академик Российской академии наук, главный редактор журнала «Новый мир» Сергей Павлович Залыгин. В конечном итоге победили здравый смысл, отсутствие финансов и настрой горбачевской команды, сумевшей тогда отделить зерна истины от плевел самодурства и коррупции.

Писатель, академик и по базовому образованию тоже инженер-гидролог Сергей Залыгин отмечал положительную роль Богомякова в отказе от строительства Нижне-Обской ГЭС в Салехарде, однако сожалел, что они оказались оппонентами по вопросу поворота сибирских рек. Вот что он писал в своем известном публицистическом сборнике «Заметки, не нуждающиеся в сюжете»:

«...И я вряд ли победил бы эту глупость, если бы у меня не было союзников. Я о них не знал, но они знали обо мне, зная, в гласную часть проблемы не включались, предпочитали «не засвечиваться», подставляли меня. Действовали за сценой, но, вероятно, только поэтому три моих статьи и увидели свет в «Литгазете» – в газете для тeneвых умов оказавшейся удобной, самой удобной: писательская, а мало ли что писателям взбредет на ум?!

Этими тeneвиками (которые, конечно же, имели своих людей и в Госплане, и в Совмине, и в академических кругах, не знаю – имели или нет в ЦК: там никто не засвечивался) были геологоразведчики – они-то знали, какие страна (и они

сами по себе) потерпит убытки в связи с затоплением.

Через 15 лет, на писательском выезде в Тюмень, тамошний 1-й секретарь обкома Г.П.Богомяков, недавний геологоразведчик нефти и газа, в своем обширном выступлении так и объявил: 15 лет тому назад, день в день, Госплан, обсуждая статьи Залыгина, отменил ТЭО Нижне-Обской ГЭС. Он же рассказал, как это было.

Они, геологи, человек что-то около десяти, встали в гостинице рано и отправились в газетные киоски еще до открытия. Киоски открылись, они купили «Литгазету» с моей последней статьей (значит, знали о ней заранее?), экземпляров около ста, пошли в Госплан, развесили «Литературку» на спинки стульев зала заседаний. Когда собрались все участники заседания (кажется, был и Косыгин), на них это произвело впечатление: кто велел развесить газету? А вдруг – высокое начальство? Так или иначе, но на том заседании ТЭО было отклонено, а на нашей тюменской встрече я впервые узнал, как было дело, и мы с Богомяковым обнимались (*для сведения журналиста Игоря Огнева, просившего прощения у Богомякова: история, описанная Залыгиным, не напоминает историю с богомяковским письмом-подстраховкой в ЦК по запредельному отбору нефти на Самотлорском месторождении? – прим. М.М.*).

Забегу вперед. Ирония судьбы – лет через десять мы оказались с Богомяковым по разные стороны баррикады: он выступал как рьяный сторонник переброски стока сибирских

рек в Среднюю Азию, мне даже казалось, что его устами говорил Рашидов. Где Богомяков теперь – не знаю...» (Залыгин С. П. Заметки, не нуждающиеся в сюжете. – Журнал «Октябрь», №10, 2003).

Залыгинские слова – «...мне даже казалось, что его устами говорил Рашидов» звучали как высший моральный приговор, ведь имелся в виду сам Шараф Рашидович Рашидов, донельзя обласканный брежневским Кремлем первый секретарь ЦК компартии Узбекской ССР, вместе с казахстанским партийным лидером Кунаевым один из главных интересантов поворота сибирских рек и ярый оппонент восставших против этого проекта экологов. В залыгинских воспоминаниях эта тема звучала так: «Это была мафия, в которой только внешне не доходило до убийства. Они мне много раз в лицо говорили: поздно мы тебя засекали. Нам бы годика на полтора-два до твоих статей, и все было бы нормально...» (Сергей Сергеев. Несостоявшаяся катастрофа. – Журнал «Живая история», №6 (6), 2.07.2017; <http://lhistory.ru/statyi/nesostoyavshayasya-katastrofa?>).

Как говорится, дальше ехать некуда, можно не продолжать...

Однако все-таки стоит напомнить молодым читателям, не заставшим то время, о печальном финале партийно-государственной карьеры Рашидова. После смерти Л.И.Брежневца 10 ноября 1982 года и избрания 12 ноября того же го-

да Юрия Владимировича Андропова генеральным секретаря ЦК КПСС расследование коррупционных злоупотреблений в Узбекистане вступило в решающую стадию. В начале января 1983 года Рашидову был объявлен устный выговор, фактически означавший предложение о добровольной отставке, но этого не произошло. В феврале того же года Политбюро ЦК приняло постановление о расследовании злоупотреблений в хлопководстве Узбекистана и поручило Генпрокуратуре СССР создать следственную комиссию.

В начале апреля 1983 года такая комиссия была создана под руководством следователей по особо важным делам Т.Х.Гдляна и Н.В.Иванова. Как выяснила комиссия, коррупцией в Узбекистане заправляли пять региональных кланов при поддержке Рашидова, которому все «отстегивали» долю. Любой общесоюзный проект всегда представлял лакомый кусок, а уж поворот сибирских рек с баснословной стоимостью был как манна небесная, поэтому за него шла особая ожесточенная битва. Коррупция в республике цвела пышным цветом: по свидетельствам СМИ и очевидцев звание героя соцтруда можно было получить за 1,5 миллиона рублей; пост первого секретаря райкома партии стоил 200-300 тысяч рублей; столько же стоила должность ректора вуза; для поступления в институт нужно было платить от 2 до 5 тысяч рублей и т.д. Наиболее прибыльной отраслью являлось «белое золото» – хлопок.

Через год после смерти Брежнева и начала работы след-

ственной группы Гдляна, осенью 1983 года, Рашидов скоропостижно скончался. Слава Богу, за нашим тюменским «первым» подобных грехов не водилось...

Отказ на высшем уровне от поворота сибирских рек стал своего рода первой внушительной победой нарастающего движения «зеленых». Психологический шок от чернобыльской катастрофы, казалось, пошел на убыль, но поводов для экологических протестов меньше не стало. Митинги в защиту безопасной среды проживания бушевали повсюду и при этом быстро политизировались. Требовать открыто «Долой КПСС!» было еще страшновато, а вот лозунгов типа «Долой переброску рек!» или «Нет новым Чернобылям!» становилось все больше.

В экологический прорыв устремились все протестные неформальные сообщества и свободная пресса, политика гласности стала пожинать первые плоды перестройки. Публикация в прессе заявлений группы Яншина и Залыгина в защиту природы подняла огромную волну народного возмущения против опасного проекта и, воленс-ноленс, против самой КПСС. Горбачевский пул еще пытался выставить себя в выгодном свете, но маховик гражданских протестов раскручивался все сильнее. В повестках митинговых страстей стали доминировать вопросы политики и экологической безопасности.

Случилось то, чего «архитекторы перестройки» никак

не ожидали – не пресловутое экономическое ускорение, а экология и в первую очередь Чернобыль вкупе с авантюрным поворотом рек стали переломным моментом и испытанием на прочность для всего Советского Союза...

В контексте грянувших экологических и социально-политических коллизий опять не повезло Г.П.Богомякову. Так получилось, что инициатива Тюменского обкома по сооружению в области пяти химкомбинатов по производству пропилена стала еще одним экзаменом на политическую мудрость его руководителя. Развязанная «зеленым движением» истерия против строительства в стране заводов по производству белково-витаминного концентрата накрыла волной протестов и тюменский газохимический проект. Казалось, только недавно Богомякову удалось сохранить статус-кво после горбачевской критики в сентябре 1985 года и даже выйти почти сухим из воды в громком скандале вокруг поворота рек. И тут нате вам, Геннадий Павлович, получите еще одну перестроечно-экологическую проблему. Да такую, что однозначно склонила политическую чашу весов не в его пользу.

А ведь всё могло сложиться иначе и эта био- и газохимическая «одиссея» стала бы оглушительной победой отечественной науки и горбачевской перестройки. Если бы не одно «но». Старая мудрость гласит, что великие перевороты не делаются разнуздыванием дурных страстей. В нашем случае все, кто был мотивирован на срыв этих проектов, де-

лал всё возможное, чтобы белкового и пропиленового «чуда» в нашей стране не произошло и провокационно использовал в собственных интересах чернобыльский синдром, когда народ, всецело повинувшись инстинкту самосохранения, был категорически против любых новаций подобного рода. А власть уже была деморализована настолько, что не могла адекватно отвечать на вызовы времени и претензии остервеневших от постылой и полуголодной жизни своих сограждан.

За что бились ошалевшие от предыдущей победы (поворот сибирских рек) «экологи-пираньи» и стоящие за ними силы, было понятно. Яншин и Залыгин в этот раз не входили в число их лидеров и главных идеологов. Задача «зеленых» и их спонсоров была куда более значимой – используя биохимическую тему и опираясь на полученный протестный опыт, убить сразу двух зайцев. Во-первых, еще раз дожать боявшегося до обморока потерять власть Горбачева и заставить его плясать под свою дудку, т.е., как минимум, поставить крест на проекте, реально угрожавшем банкротством заокеанским белковым монополистам. И во-вторых, получить наряду с финансовыми бонусами мощный политический ресурс для овладения властью над терпящей бедствие страной...

На чьей стороне тогда играли такие тяжеловесы-консерваторы как Богомяков, а их во всех эшелонах власти и управления было хоть отбавляй, можно только догады-

ваться, но факт остается фактом – даже находясь в опале, они могли бы взять реванш и решить вопрос верховной власти в свою пользу с помощью всё тех же популистских деструкций «зеленых», опираясь при этом на массу недовольных горбачевскими реформами. А что, идея не новая, лозунги и принцип «чем хуже, тем лучше», который всегда был тактикой отчаянных властолюбцев на крутых поворотах истории, пока еще никто не отменял. Но дальнейшие события показали, что у разбитого корыта оказались и те и другие. Однако оставим конспирологические догадки будущим исследователям и экспертам, а сами вернемся к «экологическим страстям» конца восьмидесятых...

Глава пятая

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАСТИ ТЮМЕНЩИНЫ

Начнем с газохимического проекта, пролоббированного в 1988 году лично Г.П.Богомяковым на уровне Политбюро ЦК КПСС. Но прежде – комментарий по данному вопросу Владимира Кузьмича Гусева, бывшего министра СССР и председателя Государственного комитета по химии и биотехнологиям, данный им в интервью журналу «Газохимия»:

«...О том, что ситуация в области газохимии в стране неудовлетворительная, руководство страны, в то время еще Советского Союза, осознавало еще в конце 80-х годов. В 1988 году было принято Постановление Совета Министров СССР №1399 о строительстве газохимических комплексов в районе Сургута, Нижневартовска, Нового Уренгоя, пос. Уват и расширение Тобольского НХК. Сырьевой базой развития этих пяти центров должно было стать получение дополнительно широкой фракции легких углеводородов – ШФЛУ (10—12 млн тонн) и этановой фракции (1—1,5 млн тонн) как из попутного газа, так и из валанжинского газа северных районов Тюменской области (СРТО).

Это постановление подвергалось критике со стороны Госплана и его институтов за то, что местное потребление

продуктов переработки невелико и остальную продукцию придется вывозить, капитальные затраты в СРТО выше в 2-2,5 раза по сравнению с районами Урало-Поволжья. Фактически за этим стояли интересы регионов – кто получит сырьевую базу и возможности для развития. Предложение увеличивать поставки ШФЛУ в районы Урало-Поволжья было в значительной мере дискредитировано серьезной аварией продуктопровода в районе г.Уфы (*упоминается взрыв трубопровода Западная Сибирь – Урал – Поволжье в ночь с 3 на 4 июня 1989 года, повлекший крупнейшую в истории железнодорожную катастрофу на Транссибирской магистрали на перегоне между станциями Углу-Теляк (Башикирия) и Аша (Челябинская область). Утечку сжиженного газа своевременно не выявили и в низине, прилегающей к железнодорожной насыпи, в течение нескольких месяцев скапливалась взрывоопасная смесь. В ночь на 4 июня в этом месте навстречу друг другу шли два поезда: Новосибирск – Адлер и Адлер – Новосибирск. В них находилось около 1300 человек. Одни ехали на отдых в Краснодарский край, другие оттуда возвращались. Трагический итог: объемный взрыв газа, крушение двух переполненных поездов и более 600 погибших, в большинстве своем детей. – прим. М.М.*)

Но главная причина нереализации программы развития газохимии в то время, конечно же, была не в разных точках зрения и даже не в аварии, а в сложном финансовом положении страны.

В дальнейшем к программе развития газохимии возвращались неоднократно. Было создано РАО «Северный маршрут» (основной учредитель ОАО «Газпром»), которое разработало крупномасштабный газохимический проект переработки сырьевых ресурсов СРТО, появились альтернативные предложения по «Западному маршруту». По сути, регионы «тянули одеяло» на себя, прежде всего по ресурсной базе и по привлечению инвестиций. Однако эти проекты не были реализованы по разным причинам, но одной из главных причин является то, что основной владелец ресурсов газохимии – ОАО «Газпром» не видит в газохимии первоочередного объекта инвестиций. ОАО «Газпром» сосредоточился на более привлекательных, по его мнению, проектах, а другие возможные инвесторы без ресурсной базы считают такие инвестиции авантюрными.

...Вообще ресурсная база для развития газохимии в России, можно уверенно сказать, лучшая в мире, прежде всего как по запасам, так и по себестоимости добычи...» (Гусев В.К. Развитие газохимии в России опоздало на 20 лет. – Интервью журналу «Газохимия», апрель-май 2008 года; <https://cyberleninka.ru/article/n/vladimir-gusev-razvitie-gazohimii-v-rossii-opozdalo-na-20-let/viewer>).

—

Такая вот непростая прелюдия. А вот как описывает начало и финал этой истории журналист Игорь Огнев в своей большой статье «Дело века», или Время Богомякова», опубли-

ликованной в начале июля 2014 года в газете «Тюменская правда» и других ведущих СМИ Тюменской области:

«...По инициативе Тюменского обкома КПСС была разработана и одобрена Политбюро мощная программа строительства пяти крупнейших предприятий нефтехимии. В документе показали, что СССР в 20-30 раз меньше вырабатывает на душу населения полимерных материалов, нежели развитые страны. Но уже в 1989 году, сославшись на недостаток средств, Госплан предложил прекратить финансирование программы. Хорошо, что на заседание Политбюро, где должны были обсуждать этот вопрос, пригласили Богомякова.

– Докладывал Дурасов, первый зампред Госплана, – рассказывает Геннадий Павлович, – и с ним все согласились. Горбачев спрашивает:

– Нет возражений?

– Есть! – ответил я.

Положил Горбачеву и Рыжкову на стол нашу записку, продолжал Геннадий Павлович, и сказал, что на подготовительные работы уже потрачено двести с лишним миллионов рублей. А в это время газеты писали, что, мол, на программу потребуется 80-100 млрд. Откуда взялись эти цифры – совершенно непонятно. Наши расчеты показывали, что на 1990-2000 годы нужно 16,5 млрд, из которых на 1991-1994 годы – 5,4 млрд и около 11 млрд на следующие пять лет. Капвложения в Тюменскую область в то время

ежегодно прирастали на два миллиарда рублей. Достаточно добавлять к ним по миллиарду в год, и комбинаты были бы построены.

После того как я все это выложил, воцарилось молчание. И вдруг встал Рыжков.

– Богомяков прав, – сказал он. – Меня, Михаил Сергеевич, – продолжал он, обращаясь к Горбачеву, – заколебали болтуны. Нельзя нам прекращать финансирование этой программы!

Словом, Политбюро приняло положительное решение. Однако перестройка диктовала другую логику событий. И все зачахло...» (Игорь Огнев. «Дело века», или Время Богомякова. – Сетевое издание «Тюмень Медиа», 1.07.2014; <https://tyumedia.ru/153378.html?>).

Надо полагать, что «болтуны», о которых говорил премьер Рыжков, как раз и были те самые экологические активисты и помогавшие им профессионалы. А «другая логика событий, продиктованная перестройкой», заключалась прежде всего в отсутствии финансов и страхе породить «экологический Чернобыль» на волне растущих протестов против биохимических заводов и газохимии.

Одним словом, вопрос решили по-топорному, келейно и в спешке, а ведь эту решающую партию в большой политической игре можно было легко выиграть, прими Горбачев, Политбюро или тот же Тюменский обком партии решение пойти к людям на откровенный разговор с целью завязать

конструктивный диалог и организовать публичную экологическую экспертизу белкового и газохимического проектов. Однако не получилось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.